

Даты ноября

7 ноября 1949 года 75 лет назад был открыт первый троллейбусный маршрут в Ярославле.

7 ноября 1949 года по улицам Ярославля прокатился первый троллейбус. Это стало значительным событием в жизни города и горожан. До этого троллейбусы курсировали лишь в Москве и Ленинграде. На строительство троллейбусной линии было израсходовано 1 млн. 600 тыс. рублей. По проекту «Большое кольцо Ярославля»

было создано 2 линии и приобретено 6 троллейбусов производства Тушинского завода. Сначала на маршруте работали водители из Москвы и только мужчины, потому что управлять такими машинами было тяжело.

Зиночка Балашова приехала в Ярославль в 1956 году двадцатилетней девушкой. У родителей в родной деревне было ещё четверо детей и ей, повзрослевшей, нужно было самой выбирать себе судьбу. «Жить было негде, устроилась на квартиру. Хозяйка работала в трамвайно-троллейбусном управлении, и она посоветовала устроиться туда. Вместе со своей новой подругой начала работать кондуктором», - вспоминала она. Вскоре появилась мечта стать водителем, но тогдашний директор ТТУ С. Э. Фомин, выслушав её, мягко и деликатно выпроваживал из кабинета раз за разом.

Горячее желание сесть за руль троллейбуса вызвало одобрение начальника маршрута Ф. И. Коровкина и начальника депо В. И. Заколичного, к тому же стало известно, что в Ленинграде женщины уже водят троллейбусы.

Зиночке Балашовой и её подруге Вале Варраве разрешили поступить на курсы водителей в 1962 году. Курсы длились полгода, и ещё год был испытательный срок. Так среди мужчин появились девчата, «которым больше всех надо».

Её маршрут проходил от станции Всполье по ул. Свободы до гостиницы «Ярославль», мимо театра им. Волкова по ул. Трефолева, далее по ул. Ушинского, и обратно к ст. Всполье. Зинаида любила свою профессию и не представляла своей жизни без неё, хотя работа была тяжёлой и требовала полной самоотдачи. Любила ранние тихие улицы Ярославля, когда по утрам выезжала из депо. Зимой любила смотреть на город сквозь

заснеженные окна машины. Любила, подъезжая к остановке, видеть знакомые лица людей, много лет ездивших по её маршруту. Она любила своих пассажиров, которые улыбались, завидев её троллейбус. «Девчатам трудно вести троллейбус, не улыбаясь», - говорили про неё и её подруг. Зинаида Сергеевна вспоминала, что её знали в лицо многие жители города. Где бы она ни появилась – в кино, в магазине, в сквере, на улице – её узнавали и здоровались. Её популярности могли позавидовать артисты. Зинаида так преданно относилась к своей работе и своей машине, что готова была пожертвовать многим. Видимо, поэтому она так и не решилась завести семью и детей.

Трудиться приходилось и в выходные, и в праздники. Однажды в газете «Северный рабочий» появилось стихотворение:

Свой «тролл» они по графику

Ведут не как-нибудь.

А «газики» и «рафики»

Им уступают путь.

Скорее бы, скорее бы

Последний поворот!

На девичьем троллейбусе

К нам едет Новый Год!

Особенно трудно было зимой, когда провода покрывались инеем, и за смену порой приходилось по 6 раз снимать штанги и менять вставки, но, несмотря ни на что, ей никогда не приходило в голову бросить эту работу и найти другую.

Другой наградой за такую самоотдачу и преданность стали крепкие дружеские отношения в коллективе. Их экипаж был самым дружным во всём управлении. Втроём (Балашова, Уткин, Маврычев) они проработали 20 лет. За годы работы несколько раз менялись машины. МТБ-82Д сменил ЗИУ-5, ему на смену пришёл ЗИУ-9, и наконец, 189, но экипаж оставался неизменным. С годами, заслужив непререкаемый авторитет и уважение, Зинаида Сергеевна стала отдавать свой опыт и знания ученикам, воспитав не один десяток водителей. Завершила она свой легендарный трудовой путь в 1994 году, выйдя на пенсию, имея звание «Ветеран труда». За свой самоотверженный труд Зинаида Сергеевна была награждена орденами «Знак Почёта» и Трудовой Славы III степени, а также 3 знаками «За работу без аварий», которые присуждали за каждые 500 000 километров пути. А это дано не многим.

Нечай, С. Д. Не каждому дано // Ярославна: история успеха яросл. женщин / редкол.: В. В. Величко, Л. И. Сопотова, И. В. Пухтий [и др.]. - М.: Внешторгиздат, 2005. - 288 с.

14 ноября 1874 года 150 лет назад родился Глеб Владимирович Макаров (1874–1918), любимский дворянин, государственный и общественный деятель, автор книги «Рассказы для детей», одобренной Л. Н. Толстым.

В феврале 1908 года в усадьбу Льва Толстого «Ясная поляна» пришла посылка. В ней оказалось около 30 экземпляров книги любимца Глеба Владимировича Макарова «Рассказы для детей», изданной в Ярославле в 1907 году. К книгам прилагалось письмо от автора с просьбой раздать их яснополянским детям, что и было выполнено. Одну книгу Лев Николаевич оставил себе на память. Прямо в ней он проставил за каждый из 35 рассказов (кроме «Волчонка») отметки: от «0» до «5+». Кроме того, маститый писатель читал эти рассказы вслух домочадцам и мальчикам в школе. Одной из своих знакомых он сказал: «Это редко – так хороши!». И, конечно же, Лев Николаевич не замедлил написать «милому» Макарову ответ: «Прочёл Ваши рассказы для детей. Большинство их очень, очень хороши. Оценка их сделана не только мною, но и теми крестьянскими детьми, которым я давал их для прочтения. Они прочли их, все запомнили и прекрасно передали. Особенно нравится мне в Ваших рассказах то, что тот вывод, нравственный или практический, который вытекает из рассказа, не сказан, а предоставлено самим детям сделать его. Я делал этот опыт с крестьянскими детьми, и они прекрасно говорили мне о том смысле, который вытекает из рассказа. Желательно бы было несколько упростить язык; но, в общем, рассказы очень хороши. Очень советую Вам продолжить это прекрасное дело. Благодарю Вас за присылку книг, желаю Вам всего лучшего».

Рассказы Макарова в основном были написаны на сказочные, исторические и бытовые сюжеты и содержали в себе, как правило, скрытое моральное поучение. Не всегда, правда, оно у автора получалось. Так, например, в рассказе «Две розы» отец дарит сыновьям по волшебному цветку, каждый лепесток которого может принести владельцу исполнение одного желания.

Младший брат быстро оторвал лепестки у розы, а старший положил её в шкатулку под замок. Когда же к нему пришла старость и он заглянул в шкатулку, то обнаружил, что роза... иструхла!

Лев Николаевич оценил эту притчу нулевой оценкой, хотя, согласитесь, она не лишена смысла. Мораль её, видимо, по мнению Толстого, не была рассчитана на детский возраст, не способствовала воспитанию в ребёнке бережливости и строгого образа жизни, не опиралась на его жизненный опыт.

Рассказ «Волчья участь» Лев Николаевич оценил «1». Он мог не понравиться ему своим натурализмом. Волк, попавший в капкан, становится беспомощным: мальчишки дёргают его за хвост, мужики пинают и бьют колом. В конце концов волка убивают.

Но такие рассказы у Макарова являются исключением. В целом же в его сочинениях преобладают добрые, гуманные чувства по отношению к животным и людям. Рассказы его мудры, учат отстаивать правду, сострадать и помогать ближнему.

Показательны в этом отношении рассказы Макарова о докторе Гаазе. Фёдор Петрович Гааз служил главным врачом московских тюрем, сделал очень много для улучшения содержания заключённых, для организации тюремных больниц и школ для детей арестантов. На свои деньги он покупал узникам фрукты, ходатайствовал за них. Однажды на заседании московского тюремного комитета он заступился за арестанта, который, по его мнению, был осуждён невинно. Митрополит Филарет возразил Гаазу: «Невинно осуждённых нет». А врач на это ответил: «Владыко, а Христа вы забыли?». Уходя из комитета, растроганный Филарет горячо пожал руку Гаазу и сказал: «Не я забыл Христа, а Христос в эту минуту оставил меня».

В 1912 году Макаров переиздал свою книгу в Петербурге. Из первого издания исключил 4 рассказа, а 16 новых добавил. Письмо Льва Николаевича к нему воспроизвёл факсимильно.

Кто же он, Глеб Владимирович Макаров? Родился 2 ноября 1874 года в дворянской семье. Окончил Демидовский лицей в Ярославле. Затем служил в артиллерийской бригаде. Уволился в запас в чине прапорщика. В 1898 году служил в московской судебной палате, а в 1900-м - исполнял небольшую должность в канцелярии петербургского градоначальника. Переехав на родину в Любим, занимал здесь в течение многих лет ряд важных общественно-административных должностей: председателя уездной управы, предводителя дворянства, почётного мирового судьи, гласного земского собрания. Кроме того, являлся попечителем любимского городского женского училища. Неоднократно награждался орденами и медалями. Женат был Глеб Владимирович на московской купчихе Евгении Ивановне Чижовой. Старожилы вспоминали, что этот брак помог обедневшему роду Макаровых поправить своё благосостояние. В семье родилось три сына: Анатолий, Владимир и Глеб. К сожалению, судьбы их неизвестны.

О дворянском роде Макаровых сведений немного. Удалось выяснить, что прадедушка Макарова Карп Фёдорович служил на флоте капитан-лейтенантом. Дедушка Егор Карпович исполнял обязанности губернского секретаря. Вероятно, через родственников жены его Надежды Ивановны Ростовцевой Макаровы получили в XVIII веке сельцо Соболево Васильевской волости Любимского уезда и прилегающие к нему деревни, включая деревню Стрелицы. Однако она вскоре перестала существовать и превратилась в пустошь. Пустошь Стрелицы была упомянута Глебом Владимировичем в рассказе «Дружба вместе – табачок врозь». В нём упомянут также «дедушка Семён Тимофеевич» - участник Венгерской кампании 1849 года. Однако в этой кампании, как видно из архивных документов, участвовал не дед, а отец писателя Владимир Егорович, служивший позднее мировым судьёй в Любимском уезде. До отмены крепостного права ему принадлежало в Ярославской, Костромской и Вологодской губерниях до 400 душ.

До революции усадьба Макаровых Соболево представляла собой прекрасно поставленное и развитое хозяйство. Кроме того, это было настоящее культурное гнездо: в усадьбе была отличная библиотека, множество музыкальных инструментов, на которых учились играть дети Макарова. По сведениям любимских краеведов Валентина Ивановича Смирнова и Ирины Владимировны Максимовой, в усадьбе находились трёхэтажный господский дом с бельведером и колоннами, двухэтажный каменный флигель для дворни, кирпичный заводик, конюшни, каретники, сараи. Всё это, увы, было утрачено. Сохранились только остатки некогда прекрасного благоухающего липового парка с прудом, акациями и тропинками, ведущими по пологому склону к обрывистому берегу речки Кульзы.

Глеб Владимирович Макаров, выделялся среди соседей-помещиков очень красивой внешностью, эрудицией, воспитанностью, хлебосольством. Постоянно проживал в Любиме, где снимал квартиру. В свободное время приезжал со своим кучером домой. Здесь развлекался охотой с породистыми гончими...

В 1917 году Макаров, принадлежавший к партии кадетов, был выбран комиссаром Временного правительства в Любиме. Под его председательством был сформирован уездный исполнительный комитет общественного порядка. В 1918 году Глеб Владимирович Макаров был арестован, конвоирован в Ярославль и здесь, по свидетельствам старожилов, расстрелян.

Так получилось, что имя Г. В. Макарова было забыто на долгие годы. Даже в очень обстоятельной книге ярославского историка-литератора Андрея

Васильевича Астафьева «Лев Толстой и его современники» (Ярославль, 1966), в которой собраны подробные сведения о знакомствах и переписке великого писателя с ярославцами, нет ни одного упоминания о любимском писателе.

Книги Макарова, как выяснилось, представляют большую редкость. К счастью, сохранился в музее Л. Н. Толстого «Ясная поляна» тот самый ярославский экземпляр рассказов Макарова 1907 года, на котором Лев Николаевич оставил свои пометки. Да ещё сохранилось два экземпляра петербургского издания этой книги в столичных библиотеках.

Красильников, Г. "Рассказы очень хороши..." : [Жизнь и творчество писателя Глеба Владимировича Макарова] / Г. Красильников ; Григорий Красильников // Северный край. - 2003. - 14 февраля. - С. 3.

15(27) ноября 1889 года 135 лет назад открыта Ярославская губернская учёная архивная комиссия (ЯГУАК), в числе 39 других, для собирания и приведения в порядок архивных дел и документов.

Ярославская губернская учёная архивная комиссия собралась на первое своё заседание 15 ноября 1889 года в присутствии самого губернатора А. Я. Фриде, что сразу же подчеркнуло особую значимость комиссии, и людей, пожелавших стать членами её. Казалось бы, сугубо специализированная комиссия, работавшая к тому же на общественных началах (платных должностей было всего две: архивариуса и сторожа), в Ярославле стала одним из притягательных центров всей культурной жизни, объединив вокруг себя лучших представителей своего времени, но главное – любителей, ценителей и знатоков старины. Это были люди совершенно разных сословий и происхождения – представители власти, дворяне, духовенство, купечество, разночинцы, но все они: краеведы, этнографы, историки, журналисты – были людьми увлечёнными и влюблёнными в родной край. Подтверждением тому и сам состав комиссии, избранной на первом заседании. Председателем ЯГУАК стал директор Демидовского юридического лицея С. М. Шпилевский, должности правителей дел комиссии исполняли двое: старший чиновник особых поручений при губернаторе Ф. А. Бычков, и ростовский

купец А. А. Титов, казначеем же стал известный ярославский купец и меценат, городской голова, гласный городской думы И. А. Вахромеев.

К моменту избрания своего на весьма почётную должность, 56-летний Сергей Михайлович Шпилевский составил себе имя как крупный учёный в области государственного права, доктор наук и профессор, с большим опытом издательской и общественной деятельности. Значительную часть своей жизни он посвятил Демидовскому юридическому лицезу, директором которого был без малого двадцать лет с 1885 по 1904 годы.

Андрей Александрович Титов родился в 1844 году в Ростове в купеческой семье, в раннем возрасте лишился обоих родителей, унаследовав при этом торговые дела отца и деда с предприятиями не только в Ростове и Ярославле, но и в Москве и в Санкт-Петербурге. Наследником оказался достойным, не только приумножив достигнутое трудом родителей своих, но и добившись признания в деловом мире. При этом очень много времени уделял общественной работе как гласный Ростовской и Ярославской городских дум. Ещё одно направление его общественной деятельности – образование, он даже состоял чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения. Он же был старостой ростовских кремлёвских церквей. И вот здесь суть увлечения всей его жизни – история и краеведение. А. А. Титов ко всему прочему собрал ещё коллекцию рукописей (более 5 000 раритетов), составленную из древнерусских рукописных книг, актовых материалов, грамот, родословных, переписных, таможенных и межевых книг XVI-XVIII веков. Тщательно описав все имевшиеся у него рукописи и напечатав каталоги, он передал всю коллекцию в Императорскую Публичную библиотеку, сделав достоянием всеобщим. Именно он внёс весомый вклад в создание Угличского музея древностей. В Ярославской губернской учёной архивной комиссии он состоял действительным членом более двадцати лет до самой кончины своей в 1911 году.

Последним председателем ЯГУАК был Нил Григорьевич Первухин, происходивший из семьи тверских священников, причисленных к дворянскому сословию. Явление достаточно редкое, свидетельствующее о больших заслугах семьи перед родиной и церковью. Он окончил с серебряной медалью гимназию, а затем успешно завершил обучение на историко-филологическом факультете Московского университета. По окончании университета стал преподавать историю и русский язык в Ярославской Мариинской женской гимназии и с первых же лет работы в нашем городе совмещал учительство с писательской, исследовательской и краеведческой работой, публикуя свои статьи в газете «Северный край».

В мае 1900 года он стал действительным членом ЯГУАК и оставался им вплоть до роспуска комиссии в мае 1920 года. Он был редактором (1914-

1917) очень интересного и необычного для того времени журнала «Русский экскурсант». Имя в науке составили его искусствоведческие труды о знаменитых ярославских храмах Богоявления, Ильи Пророка и Иоанна Предтечи. В январе 1918 года он принял бразды правления ЯГУАК.

Известно, что сразу после установления советской власти архивы перешли в собственность государства, что изменило и статус комиссии, и её состав, ибо, оставаясь общественной организацией, она начала исполнять задачи сугубо государственные. Немногие из оставшихся членов комиссии вместе с Нилом Григорьевичем продолжали заниматься этой работой на общественных началах.

После июльского мятежа 1918 года полуразрушенный Ярославль представлял печальное зрелище, а на долю Первухина с коллегами пришлась задача невероятно сложная и трудная: спасти уцелевшие памятники истории и культуры, предотвратить массовую гибель документов. В сентябре того же года Н. Г. Первухин и другой член ЯГУАК А. И. Смирнов выехали в Москву, где добились получения полномочий исполнительного органа Главархива в Ярославле, распоряжения которого были обязательны для исполнения на территории всей губернии. Вот это и помогло им в сохранении документального исторического наследия. Другая сторона его кипучей деятельности в то сложное время – становление музейного дела. Именно он стал инициатором создания в городе художественной галереи и исторического музея.

Когда было сфабриковано так называемое «дело ярославских краеведов» и начались аресты, Н. Г. Первухин вынужден был покинуть город и уехать в Казань, где долгое время работал в разных должностях. Скончался в 1954 году и похоронен на местном казанском кладбище. И только в 1989 году реабилитирован по делу ярославских краеведов.

Такие замечательные люди работали в этой комиссии. К ним только добавить надо Е. И. Якушкина, И. А. Тихомирова, Л. Н. Трефолева, К. Д. Головщикова, И. Ф. Барщевского, Э. Н. Берендтса, М. А. Липинского, С. Д. Урусова.

Комиссия работала сразу в нескольких направлениях. Разумеется, в первую очередь это был сбор и оценка документов. Здесь большую поддержку членам комиссии оказал губернатор А. Я. Фриде. За тридцатилетний период существования комиссии было разобрано 321795 дел и 82 017 бумаг. Другое направление - комплектование библиотеки, которая к 1920 году насчитывала более 15 000 томов русских и иностранных изданий, сотни рукописных книг, планы, карты, чертежи, тысячи гравюр, рисунков, фотографий. Важной частью работы комиссии была редакционно-издательская работа.

Трудно переоценить вклад Ярославской губернской учёной архивной комиссии в спасение документального и вообще исторического наследия Ярославского края. Благодаря ей Государственный архив Ярославской области сегодня по объёму, составу и содержанию документов является одним из богатейших хранилищ России.

ЯГУАК – наша история // Колодин, Н. Н. Город древний. Ярославль: здания, люди, легенды: [в 4 т. Т. 2 : Город рубленый и город земляной] / Николай Николаевич Колодин. – Ярославль, 2014. – С. 29-35

15 ноября 1879 года 145 лет назад в Рыбинске родился Алексей Алексеевич Золотарёв (1879-1956), русский писатель и краевед.

...Никогда мне не приходилось видеть А. А. угрюмым, сумрачным или просто недовольным. Ровность его духа шла неизменной, всегдашней и определяющей его, и надо думать, и всю его жизнь. И он никогда не мог сказать о ком-либо что-нибудь плохое. И вообще, для него плохих людей как будто не существовало, и то, что он видел в человеке, покрывалось тем хорошим, что он в нем сразу же чувствовал. Это и притягивало к нему каждого, и этот каждый и в самом деле становился лучше и давал лучшее, что в нём было.

Его отец, Алексей, очень хорошо сказал о нём в своих воспоминаниях: «Душевный человек и не любит внешних форм, человек духа, а не формы, и сохранил замечательно редкое благодущие и почти всепрощающее отношение к людям». Алексей Алексеевич умел и любил радоваться, радовался и тому, что для нас было тем, что и внимания не стоило как самое обыкновенное, почти каждодневное.

Случилось нам как-то быть вместе на даче у знакомых, в деревушке Караново, около Волги. Пили чай в палисаднике, дача была простецкая – небольшая деревенская изба. По случаю воскресенья на столе большая круглая ватрушка. Откинувшись на спинку стула, сбоку стола сидит Алексей Алексеевич, и весь он впитывает в себя и чудесное прохладное солнечное утро, и аромат чая, и вкусный запах ватрушки, только что из печи. Сидит и наслаждается. Это видно по всей его позе и по добродушной улыбке, светящейся из-под усов, и в каждом его слове и жесте.

Вспоминается и Рыбинск, и первый низкий этаж «Соборного дома», в большой столовой на столе с самого утра кипит самовар, другой стоит под трубой на кухне, а два поменьше, как две вазы, на буфете. За столом матушка Юлия Евлампиевна и Алексей Алексеевич, и оба не могут насмотреться друг на друга. Уж очень матушка его любила, пожалуй, он был любимейший из всех её сыновей. Выпив чай, Алексей Алексеевич идёт к себе в комнату оканчивать перевод диалога Джордано Бруно, но, проходя мимо пианино, непременно присаживается и, беря громкие аккорды, поёт несколько куплетов неаполитанской песенки.

Мы, наша семья, жили в Ярославле, недалеко от набережной Волги, у самого её начала, у великолепной церкви «Петра и Павла» XVII века. Было это 14 апреля 1906 года. Дата запомнилась с такой точностью потому, что в этот день нас, гимназистов, распустили на летние каникулы. Вот и было решено распустить всю гимназию сразу и на пасхальные и на летние каникулы, т.е. в срок небывало ранний. Проездом откуда-то через Ярославль в этот день зашёл к нам Алексей Алексеевич. Вечером мы всей компанией пошли провожать его на пристань и на вечерний пароход в Рыбинск. Был тёплый, тихий и тёмный апрельский вечер, кое-где на тротуарах поблёскивали лужицы недавнего дождя. «Благодать-то какая, теплынь, тишина, - восторгается Алексей Алексеевич. – Хорошо-то до чего, и лужи есть».

В конце двадцатых, в тридцатых годах Алексей Алексеевич всегда уезжал на 2 летних месяца в Новгород, Углич, Рыбинск. Возвращался он, как всегда, полным впечатлений от встреч с людьми, от древней архитектуры Новгорода и Углича и от всего вообще, что видел и замечал. «Иду как-то по Новгороду, - рассказывает Алексей Алексеевич, - день чудесный, жара, липами сильно пахнет, и думаю: хорошо бы сейчас чайку с мёдом попить. Но где тут взять чаю, не говоря о мёде. Город словно вымер. Заворачиваю в боковую улицу – и вдруг слышу возглас, и голос-то знакомый: «Алексей Алексеевич! Вот хорошо-то, идёте ко мне чай пить – я сегодня именинник, у меня мёд есть».

Примерно в начале тридцатых годов краеведческая работа была взята под подозрение. Хотя руководство ею и было поручено П. Г. Смидовичу, это не улучшило положение. Краеведческая работа остановилась. Что же касается Рыбинска, то все краеведы, во главе с Алексеем Алексеевичем, были высланы в Архангельск. Приехав в Архангельск, они узнали, что в городе им жить не разрешено и надо ехать в какое-то большое село на Северной Двине, верстах в 10 от Архангельска. Это известие наводило на всякие мрачные мысли и предположения – и в Архангельске-то трудно с работой, а что же найдёшь в селе?.. Думали, что доехали до конца, а тут надо ещё ехать

дальше, неизвестно куда и на что. Будущее казалось безотрадным и угрожающим. Погрузились на пароход, приехали в это село, нашли полупустую комнату, в которой можно было переночевать. Сгущались сумерки и вместе с ними тоска от неопределённости и неизвестности. И всё те же нудные разговоры: что будет? как будет? где жить? как устроиться? как работа? Кроме того, выяснилось, что почти все запасы, какие были взяты на дорогу, съедены, и чаю было не с чем выпить. Тоска стала ещё гуще... «Ну, вот что, - заявил Алексей Алексеевич, утро вечера мудренее, завтра увидим», - и полез спать на печку. Утро такое же сумрачное и тоскливое. Донесся далёкий гудок пришедшего парохода, никто на него не обратил внимания – приехать было некому, встречать было некого. Стали собираться выйти посмотреть, что за село. Вдруг распахивается дверь – и в ней общая рыбинская знакомая и приятельница. В руках чемодан. За спиной мешок, набитый всякой снедью. Проводивши уехавших, она раздумалась о том, что очень мало взяли с собой продовольствия, и тут же решила ехать следом. «Я думал, что такое только в романах бывает», - сказал один из краеведов, Альбицкий, сдирая колбасную шкурку. «Вот то-то, что и бывает, - ухмыльнулся А. А. из-за своей кружки, обмакивая в неё усы, - вот то-то и бывает». Теперь и жизнь казалась возможной, и будущее не таким мрачным.

А. А. очень много сделал для Рыбинска. Организовал научно-естественный кружок, краеведческое общество, философское общество, издававшее свои печатные труды, организовал свою публичную библиотеку, основой которой послужила большая библиотека Михалкова, помещавшаяся в его огромном доме за Волгой.

Но всё это оказалось ненужным, и А. А. был выслан. Более справедливым было бы избрание его почётным гражданином города Рыбинска. А город свой А. А. любил сильно и безраздельно, хотя он ничем особым и не выделялся: в нём не было ни памятников архитектуры, ни просто красивых зданий. Но ему не пришлось вернуться в Рыбинск и ещё поработать для него, и бывал он в нём после всего этого только наездами: встретиться с друзьями и посидеть на кладбище, на могиле родителей.

Дебольский, Д. Из воспоминаний об А. А. Золотарёве/Дебольский Диодор // Золотарёв А. А. СМРО SANTO МОЕЙ ПАМЯТИ: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения.

Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников / Редактор-составитель В. Е. Хализев; ответственный редактор Д.С. Московская. – СПб.: Росток, 2016

– 960 с.; ил.

Составила библиотекарь С. Д. Нечай.